

Лиде стал снится дом её детства — старый частный дом в местечке под названием Сухая Река. Снился в путанных, безрадостных снах, часто переходивших в кошмары. Виделось, будто она возвращается в этот дом, но там, конечно, живут уже чужие люди, что она просится назад в дом, и они куда-то исчезают, и она находит дом совсем не изменившимся, и те же вещи лежат на привычных местах: старые игрушки, одежда, посуда... Или же, наоборот, ей снилось, что они с семьёй по-прежнему живут в Сухой Реке, а кто-то чужой и тёмный заглядывает в окна и пытается проникнуть в дом, и ей надо выйти в ночь и успеть запереть калитку, но калитка, конечно, не закрывается, чужой человек уже толкает её с той стороны, и тогда Лидочка, спотыкаясь, бежит обратно в дом и пытается запереться в нём, но защёлка соскакивает, дверь подаётся, а беспечные домашние не обращают внимание на её призывы о помощи, да и голос пропадает. Чёрная рука просовывается в дверь, и Лидочка просыпается.

От снов было беспокойно на душе. Хотя ничего действительно страшного или плохого с ней в этом доме не происходило: бабушка и дедушка умерли уже после переезда семьи — в новой, современной квартире. Единственное мрачное воспоминание из того периода было связано со смертью дяди Антона. Он и врачом-то стал потому, что боялся болезней, изучал рак. Лидочка запомнила только, как он аккуратно и жадно обсасывал куриные косточки и, как всегда, закрывал замки на максимальное количество оборотов и всё равно продолжал дёргать ручку. А умер он не от рака — его сбила машина. На похороны собралась все соседи, и открытый гроб простоял в доме всю ночь, и возле него сидела бабушка.

Но это если напрягаться и вспоминать, на самом деле, дядя Антон и его смерть мало волновали Лидочкину память, а вот дом волновал, снился в мельчайших подробностях, до трещинок в штукатурке.

Родные не разделяли этой странной ностальгии, но Лидочка пробовала ходить туда. Сухая Река — скопление частных домов практически в центре города. Название пошло потому, что вроде бы раньше здесь пролегал один из притоков реки, на которой стоял город. Теперь большая низина

была заполнена домишками, громоздившимися друг на друга, как будто их просто высыпали из большого мешка в эту яму и они скособочились по крутым склонам и на дне.

Да, Лида бывала здесь и с болью отмечала, как понемногу подкрадываются к местечку новостройки, окружая Сухую Реку со всех сторон своими бездушными уродливыми громадами, застилая солнце, погружая низину в вечную тень. То тут, то там непрестанно тархтели самосвалы, разгребая очередное пепелище. Но не меньшую боль причиняло и то, что сохранилось: тот самый, единственный, Сухореченский переулочек, соседские избушки, хотя теперь в них жили уже совсем другие люди, пузатые машины этих людей маячили за оградями.

«Их» дом был переделан: надстроен, обшит какими-то серыми глянцевыми панелями. Ей очень хотелось попасть внутрь и посмотреть, найти хоть какие-то признаки прошлого, но рука не поднималась прикоснуться к звонку. Новый хозяин (даже не тот, которому продали дом папа с мамой, а уже второй или третий после них), заметив, что кто-то ошивается под окнами, так грубо окликнул её, что решимость и вовсе пропала. Кроме того, она и желала, и боялась попасть внутрь, боялась обнаружить, что от старого дома не осталось и следа...

Но как только она отвернулась от дверей и перед ней оказался тот самый, в целом сохранившийся переулочек, воспоминания нахлынули с новой силой, показалось даже, что за спиной прежний старый дом с зелёной крышей. Она пошла по переулочку, припоминая, на каком углу она сильно упала с велосипеда и у какого столба они с братом закопали подаренную на новый год жутко модную и по тем временам дорогую куклу Барби. Дошла до облупленной и перекошенной голубятни, ставшей ещё более похожей на сказочный теремок. Голубей здесь уже не держали, но запах птичьего помёта был неистребим и был всё же приятен. Да что там! Приятно было увидеть даже старый уличный сортир около четырёхквартирной кирпичной двухэтажки. Приятны были и сохранившиеся старые гаражи, навечно запертые вместе с хранящимся внутри хламом. Пока они жили тут, ей хотелось жить в благоустроенной квартире, раздражали заботы, связанные с житьём «на земле» — отопление,

огород, непрерывный мелкий ремонт, пугал и сам этот «неблагополучный» район. В девяностые тут почти все пили, и отец пил, потому что потерял и не мог найти работу. Но они с братом были тогда детьми, а дети умеют находить радости даже в трудные времена, тем более что других времён они тогда и не знали, а потому лазили по гаражам да по свалкам, придумывали себе всякие приключения и забавы.

Они уехали отсюда уже более десяти лет назад. И теперь Лида смотрела на Сухую реку другими глазами. Ей стали милы и дороги эти старые домики с их своеобразной архитектурой, наличники на окнах, нехитрая резьба по дереву, маленькие окошки, узенькие двери со скрипучими крыльчечками. Про старые церкви говорят «намоленные», вот и эти домишки были такими же, и дело тут не в молитвах. Ей стали милы и исторические дома в центре города. В некоторых из них ещё жили, иные стояли заколоченные, и за их окнами зияла чернота. Некоторые домики занавешивали и под занавесками закипала реставраторская работа, но на свет из-под тряпок они появлялись совершенно неузнаваемыми и почти неотличимыми от новостроек. Другие дома вдруг сгорали, и на их месте появлялся очередной спортзал или многоэтажка. И каждый раз Лида чувствовала боль утраты.

Папа Лиды, инженер на пенсии, Сухую Реку не любил, но в целом был привержен к воспоминаниям, мельчайшим подробностям событий прожитой жизни. Он любил пересказывать, как он познакомился с будущей супругой, помнил все особые словечки своих детей. На семейных торжествах он превращал свои тосты в длинные повествования о турпоходах и удачных приобретениях дефицитных товаров, но память порой играла с ним шутки: увлечьшись, он вдруг начинал рассказывать о том, как его деда уморили голодом на Украине по прямому приказу Ленина и как его самого не взяли в космонавты из-за происков КГБ. Папа ненавидел всё советское, но очень бережно относился к вещам, которые были нажиты его отцом (Лидиным дедушкой), и существовал в окружении ветхих этажерок, тухлых диванов, продавленных кресел и криво сколоченных табуреток.

Лида же задыхалась в этом обилии старой и неудобной мебели и мечтала о ещё более старой, но и более удобной. Нет, она не умела выразить словами свои противоречивые чувства, она вообще училась на художника-керамиста. И ей хотелось поймать мучившие её сны и заключить в глине. Может быть, тогда кошмары прекратятся?

А тут ещё вдруг стало известно, что на месте Сухой Реки хотят затеять какую-то огромную стройку и что весь район будет снесён. Ожили и зашевелились новостройки, теснее стало смыкаться их кольцо вокруг вросших в землю деревянных домишек.

Лида почувствовала, что она должна что-то сделать именно сейчас, иначе будет поздно. И она решила посвятить старому дому дипломную работу—так и назвала её «Дом детства», на декоративных пластах воссоздала фрагменты обстановки, но главное, постаралась передать фактуру старых, разрушающихся, впитавших время стен. Рецензент Лидиной работы на защите пела дифирамбы её диплому за «тонко переданное чувство уюта и тепла родного дома», а старая выжившая из ума преподавательница истории искусств заявила, что в работе нет детства, а есть старость. А потом у деканши, толстой и неряшливой бабищи, что-то переклинило, и она минут тридцать орала на всех дипломниц непонятно за что, а они стояли в своих нарядных выпускных платьицах и не смели шевельнуться, как солдаты на плацу. И все преподаватели трусливо молчали, и все пришедшие родственники молчали растерянно, как будто это их ругают.

В общем, им всем снизили оценки на балл, но дипломы выдали. Лиде было в общем-то всё равно, но настроение испортилось из-за выходки деканши. Никого не хотелось видеть. Она заглянула в соседний зал—там готовились к защите архитекторы, рядышком были расставлены макеты и эскизы их проектов. Здесь царили белый, серый и бледно-голубой; впивались в глаз зеркальные покрытия, линии таяли в блеске и прозрачности. Объектов как будто бы и не было, они парили в облаках, в разреженном воздухе. На эскизах небожители в белых одеждах смотрели в большие окна или экраны, или окна-экраны, а за окнами была ясная синева или фантастические пейзажи, нарисованные с помощью 3D.

Лида глянула за окно (настоящее, а не нарисованное)—там висел смог, громоздились и гудели автомобили, взгляд натёкался и отскакивал от мешанины проводов и бетонных построек. Захотелось спрятаться от всего этого за тяжёлыми зелёными шторами. Диплом не успокоил её тоску.

Лида устроилась продавцом в магазин товаров для художников. В свободное время старалась бывать в Сухой Реке, жадно впитывать глазами уцелевшие подробности. Во время одной из прогулок по огрызку Сухореченского переулка она познакомилась с Артёмом. Он тоже интересовался Сухой Рекой, хотя и по-другому. Артём говорил, что в этих трущобах ещё до революции жили рабочие-железнодорожники, здесь прятались бежавшие из ссылки и пробиравшиеся в столицу революционеры и что коренные жители могли бы многое порассказать. Выходит, Артём тоже тосковал по прошлому. Парень он был непьющий, работающий и симпатичный... а все его рассуждения про Советский Союз и про то, как теперь люди лишились будущего, Лида с внимательным видом пропускала мимо ушей.

Новые отношения, потом свадьба и появление дочери отогнали дурные сны. За это время остатки старых домишек были выметены из низины, на месте Лидинога дома и других появился закованный в стекло, пылающий в неоновом огне торговый центр, а остальное пространство превратилось в парковку. Исчезли и гаражи, и голубятня,

и старые уличные сортиры. Но центр вечно стоял пустой, как будто место отомстило за себя. Лида побродила по его безлюдным залам, незаполненным торговым площадям... И в ту же ночь ей приснилось, что дедушка и бабушка приветливо машут ей из окна старого дома и их лица странно бледны.